

"Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть..."
Из Лермонтова

Символическое стечие обстоятельств: в сороковой день кончины выдающегося русского исследователя жизни Шопена Георгия Степановича Кухарского – Ежи Кухарского – в Большом зале Московской Консерватории являлся людям Шопен в дивном, завораживающем строгом и страстном исполнении Элисо Вирсаладзе.

И на следующий день, уже в Малом зале Консерватории, звучал Шопен в исполнении Наума Штаркмана. И еще через несколько дней, снова в Большом зале Консерватории слушали, Шопена в исполнении Владимира Крайнева, и, чуть позднее, выдающегося молодого артиста Николая Луганского.

Словно говорившись, большие русские пианисты, один за другим, играли в те дни Шопена. Будто сам Шопен пожелал проводить свою музыкой одного из самых близких друзей в историческом времени и возблагодарить покинувшего землю русского полка за все труды его жизни, оказавшиеся с ним, Шопеном, так проникновенно связанными...

В январской Москве 2000 года, через 150 лет после смерти Фредерика Шопена тихо похоронили его русского биографа, переводчика, исследователя и издателя "Писем Шопена" – наиболее полного из всех существующих, всесторонне и глубоко комментированного издания этих незабываемых Писем.

Со временем (с 1964 г., когда в московском издательстве "Музыка" впервые появился подготовленный Ежи Кухарским том шопеновских "Писем") издание росло и менялось качественно, а не просто механически переиздавалось, вслед читательской потребности. Оно стало бестселлером для культурного человека в России и, одновременно, вкладом в искусствоведческую науку. Это был серьезный, крупный научный труд. По счастью, признанный всеми в культурном мире. Русский читатель, благодаря усилиям Георгия Степановича Кухарского, получил самый полный перевод "Писем Шопена" и самый научно подготовленный (материалы собирались Кухарским из французских, польских и, конечно же, русских источников).

Высокоавторитетный музыкант и культуролог, профессор Игорь Федорович Бэлза называл Ежи Кухарского (в почетном ряду с признанными музыковедами А.Соловцовыми и Ю.Кремлевым) "выдающимся шопеноведом".

То была справедливая оценка этого исключительного по своему характеру и судьбе исследователя и литератора – русского интеллигента, всю свою жизнь преодолевавшего действительность, но обретшего внутреннюю гармонию с действительностью художественной, которая его приняла и в себя включила.

Жизнь Ежи Кухарского была своего рода "Поэмой к Пламени" (используя скрибинский образ). Но и прошла его жизнь в отсветах трагического Пламени нашего всеобщего существования в едином реальном Времени... Он был удивительным человеком.

У него был дар общения с людьми художественного склада. Его любили. В его обществе художники разных искусств чувствовали себя уверенно, спокойно и просто. Они "подпитывались" в атмосфере его дома: разговоры, что велись у Кухарского (в скромных его обиталищах в разные периоды его жизни), были всегда высоки по тону, сложны по проблемам, блестали художественной простотой.

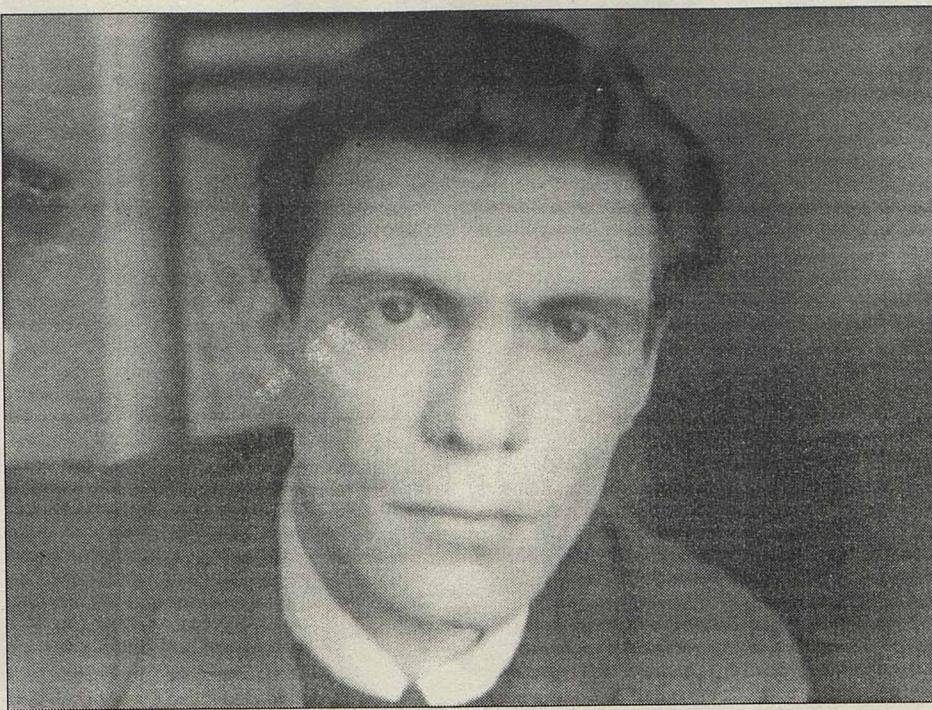
Он дружил, и с ним дружили. Он многих знал, и его многие знали. Он был хорошо знаком с Генрихом Густавовичем Нейгаузом и его ближайшим другом, выдающимся искусствоведом Александром Габричевским. Перевел с польского на русский замечательные письма Генриха Густавовича к родным (другую часть этих писем – с немецкого – перевел Александр Георгиевич Габричевский). Рядом с Кухарским был и выдающийся русский пианист Анатолий Веденников, – друг и соученик Святослава Рихтера, один из самых уникальных артистов, воспитанных Генрихом Нейгаузом.

Через свою жену, архитектора Наталью Прозорову, – человека, разнообразно талантливого, природного, преданного ему всю свою многотрудную жизнь (чтобы помочь слепнущему мужу выучила польский) – Ежи вошел в дом Анны Ивановны Трояновской, – изумительно яркого, к тому времени уже сильно пожилого человека, художницы и вокального педагога (у нее брали уроки Наташа Прозорова). Через Анну Ивановну познакомился Кухарский с истинно большим русским художником нашего века Робертом Рафаиловичем Фальком. И не просто познакомился, но стал знатоком и страстным приверженцем его искусства, много общался с художником и многих погрузил в творчество Фалька. Пойти с Кухарским в мастерскую Роберта Рафаиловича в мансарде "дома с павлинами" на набережной Москвы-реки (у ныне отстроенного храма Христа Спасителя) было событием. Его там принимали как своего человека, и те, кто приходил с ним, тоже были обласканы хозяином и хозяйкой.

Русский биограф Шопена

Андрей Залогов

Памяти Ежи Кухарского – страстного человека

У Анны Ивановны Трояновской познакомился Ежи Кухарский и со Святославом Рихтером. Рихтер любил заниматься в комнате Анны Ивановны (в коммунальной квартире в одном из старых московских домов в Скатертном переулке), на сохранявшемся в этой комнате рояле выдающегося композитора Николая Метнера, друга Рахманинова. Искусство Святослава Рихтера стало одним из художественных идеалов Кухарского (он не раз писал о концертах Рихтера в московских газетах).

Была еще одна область его работы в искусстве – радиопередачи и телефильмы. Как автор сценария Кухарский сделал телевизионный документальный фильм в Творческом объединении "Экран" Центрального телевидения (вместе с талантливейшим, ныне покойным, музыкальным режиссером Святославом Чекиным) о друге своем, пианисте Анатолии Веденникове. В той же Студии Фильмов об искусстве объединения "Экран" (которую довелось создавать и целых 10 лет возглавлять автор этих строк) по сценарию Кухарского был снят имевший большой успех у зрителя биографический документальный фильм "Жизнь Шопена" (режиссер С.Чекин). И еще один фильм (режиссер Ю.Сааков) сделал Кухарский как сценарист на советском телевидении, – фильм, казалось бы, неожиданный для него: "Голубая книга" – своеобразное "чтение" одноименной прекрасной книги Михаила Зощенко. Однако, никакой внутренней неожиданности в этом не было. Прозу Михаила Зощенко Ежи Кухарский любил, чувствовал удивительно и сам прекрасно читал "Голубую книгу". Это было словно авторское чтение – искусство из первых рук.

Прекрасно знал Кухарский и современную польскую литературу. Переводил Леона Кручевского, Виктора Ворошильского, восторгался Ярославом Ивашкевичем.

Виктор Ворошильский занимал в его жизни особое место. Ежи перевел на русский язык ряд сочинений этого замечательного писателя, в том числе "Сны под снегом". В книге широко использована проза Салтыкова-Щедрина, и Кухарский перечел и исследовал едва ли не все написанное Салтыковым-Щедриным: надо было найти многочисленные цитаты из русского писателя, чтобы они звучали в оригинале, а не в переводе с польского.

Кухарский перевел также "Венгерский дневник" Ворошильского.

"Сны под снегом" были изданы в Англии на русском языке, по странности – без ссылки на переводчика. Как литература самиздата. Фрагменты "Венгерского дневника" изданы в России (альманах "1956. Осень в Будапеште") без ведома автора перевода. Такова ирония судьбы.

Ежи Кухарский жил благородно, достойно и скромно (не станем употреблять обидно звучащее применительно к такой значительной личности слово "бедно").

Все, что он узнавал, он стремился узнать основательно. И то, что становилось ему близким в литературе, в искусстве, он знал досконально (о, если бы можно было сказать "досконально чувствовал"!).

У Ежи Кухарского была редкостная способность придавать значение тем художественным явлениям, в которых он находил и объективную ценность, и нечтоозвучное самому себе как читателю, зрителю или литератору,

дали много жизненных сил, а то и просто жизнь, польской культуре и вдохновлению союза сердец польской и русской художественной гениальности, – имя Ежи Кухарского не должно быть забыто. Так же как имя русского композитора Милия Алексеевича Балакирева, инструментовавшего, в знак любви к Шопену, его Первый фортепианный концерт, первым выдвинувшего идею установить памятник Шопену у его родного дома в Желязовой Воле и пожертвовавшего на этот памятник необходимые деньги, собранные своими концертами в честь Шопена. Так же как имя критика и ученого в области искусства и литературы Владимира Васильевича Стасова, характеризовавшего музыку Шопена как "истинное и полнейшее воплощение в наши дни бетховенского духа страсти, душевного страдания и лирического самоуглубления".

Как удивительно слова эти, характеризующие Шопена, могли бы характеризовать и уникальную личность Георгия Степановича Кухарского. В нем также жил бетховенский дух страсти. Жизнь его была полна душевных страданий, а его творчество исполнено подлинного лирического самоуглубления.

Сын поляков, эмигрировавших в советскую Россию, он провел свои детские годы с родителями в Праге и Париже, прекрасно владел французским – переводил (для себя) Камю и Сартра; прекрасно владел польским и, естественно, ставшим родным для него русским языком.

Московский школьник, потерявший отца и мать в сталинских лагерях, он, в силу многих исторических причин, сполна известных сегодня, не смог продолжить свое официальное образование до вузовского диплома. Но он наполнил новым смыслом и новым содержанием старинное и славное понятие "автодидакт".

Человек уникального внутреннего дара – дара музыкального, литературного, дара человеческого – Ежи Кухарский в своем труде "Письма Шопена" оставил нам образцы высокоталантливого перевода и столь же высокоталантливого комментирования и редактирования переводов – максимально приближенных к точному смыслу оригинала и при этом адекватно и поэтически верно обращенных в русскую речь. Он оставил нам глубокие обстоятельные вступительные статьи к каждому из изданий шопеновских "Писем" на русском языке – к первому однотомному, вышедшему 35 лет назад, второму и третьему – двухтомным изданиям и, наконец, к четвертому (вышел лишь первый том, второй пролежал в издательстве "Музыка" около 10 лет и так и не был издан из-за отсутствия необходимых средств). Второй же том содержал немало новых исследовательских материалов, и хочется все-таки верить, что он будет издан, что найдутся ставившие души, тем более, что нужна для издания не столь значительная сумма.

Если вдуматься, что же все-таки сделал Кухарский своим осмысливением "Писем Шопена", если попытаться осознать все подлинное значение его работы в этой области, то нельзя будет не признать: перед нами серьезный, глубокий, новаторский и высокоталантливый научный труд, притом, что Ежи Кухарский не был "посвящен" ни в кандидаты, ни в доктора искусствоведения. К высотам знания, к своему постижению Шопена он пришел своим душевным трудом и талантом. Своей любовью.

В именном указателе только что переизданного тома статей о музыке и документов жизни Генриха Густавовича Нейгауза имя Георгия Степановича Кухарского стоит как имя живого персонажа современной художественной жизни: есть дата рождения и нет даты смерти. – не знали, не интересовались и гонорара не платили. Но пусть он остается живым. Он прожил 73 года, оставаясь всегда на удивление свободным, независимым ни от людей, ни от денег, которых у него никогда не было. Шопен придавал ему великие силы. Вера (Ежи Кухарский был крещен отцом Александром Менем) наградила его чувством обретенного пути и покоя.

Жена и дочь Марина, ставшая учителем, внесли в его жизнь ощущение мира и счастья ("...Я счастливый человек!", – не раз повторял он, будучи уже тяжело больным).

Он не искал выゴд. Он служил истине, мучительно соприкасаясь с нею в звуках жизни Шопена.

Перечетом Письма Шопена.
Вспомним Ежи Кухарского.